

НОВАЯ КНИГА О ДОСТОЕВСКОМЪ КАКЪ ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ МІРОВОЗРѢНІЕ.

І. Поповичъ. Философія и религія Достоевскаго (по сербски) Изд. Христ. Живот. Сремски Карловци. 1924.

Среди огромной литературы о Достоевскомъ нѣтъ ни одной книги, которая бы съ достаточной полнотой изучала его религіозныя воззрѣнія. Большинство трудовъ, посвященныхъ его твореніямъ — если только они выходили за предѣлы историческаго, литературнаго и психологическаго изслѣдованія, — не идутъ далѣе философскихъ умозрѣній и не освящаютъ его чисто религіозныхъ устремленій, являющихся скорѣе объектомъ богословской, чѣмъ философской мысли. Причина этому проста: исходный путь въ творествѣ Достоевскаго доступенъ каждому мыслителю, ибо таковымъ, собственно говоря, является вся полнота философскихъ и жизненныхъ вопросовъ, вся проблематика европейской мысли и русской жизни. Преодолевая свои сомнѣнія, разбираясь въ заблужденія своихъ героев, Достоевскій гениально отражаетъ, изображаетъ и обогащаетъ нашу собственную жизнь; поэтому въ качествѣ философа онъ является для насъ мыслителемъ глубоко намъ конгеніальнымъ и современнымъ. Но есть у его мысли и его творчества и конечная цѣль; и эта послѣдняя остается для людей нашей эпохи запечатанной книгой, ибо ее мало прочесть и изучить — ее надо пережить и понять — а для этого требуется вся жизнь. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. Н. Майкову (24 III — 5 IV 1870 г.) Достоевскій пишетъ, что въ качествѣ идеала онъ не хочетъ создавать ничего своего, но только изобразить Св. Тихона Задонскаго, котораго давно принялъ въ свою душу съ восторгомъ. Въ «Дневникѣ Писателя» (1876 г. февр. 11 ч.) онъ сѣтуетъ на то, что въ наше время никто не читаетъ сочиненій этого святителя. («Повѣрьте, господа, что вы,

къ удивленію вашему, узнали бы прекрасныя вещи», стр. 67).

Если сопоставить это съ образами епископа Тихона (въ «Бѣсахъ»), старца Зосимы, Паисія и др. монаховъ, съ идеальнымъ описаніемъ монастыря и т. п. — то выводъ будетъ ясенъ. Конечной цѣлью міросозерцанія Достоевскаго была православная аскетическая мысль, къ которой онъ, преодолевая свои сомнѣнія, шагъ за шагомъ, приближался и постепенно подводилъ и своего читателя. Однако въ этой области онъ коснулся только первыхъ страницъ раскрытой книги, только намѣтилъ вопросы, которые въ церковномъ опытѣ уже имѣютъ свою долгую исторію и богатую литературу. Мы не знаемъ, насколько полно Достоевскій былъ знакомъ съ аскетическими или святоотеческими писаніями*) но то отрицательное отношеніе, которое вызвали къ себѣ образы старца Зосимы со стороны Оптинскихъ старцевъ и та критика его построений, которую постоянно встрѣчаешь со стороны людей, дѣйствительно, близкихъ къ духовному міру — показываютъ, что въ этой области творчество его является весьма неоформленнымъ и незаконченнымъ и спорнымъ. Какъ на то указалъ Н. А. Бердяевъ, «положительныя религіозныя идеи Достоевскаго, его своеобразное пониманіе христіанина нужно искать преж-

*) Въ каталогѣ его библіотеки значатся: Симеонъ Нов. Богословъ, Исаакъ Сиріянскій, Жизнеописанія старца Леонида Оптинскаго, сказанія инока Парфенія и избранныя житія святыхъ. (Гроссманъ, Семинарій по Достоевскому, Москва. 1923. стр. 43-44.

де всего въ Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ, гдѣ Достоевскій былъ болѣе гениаленъ и болѣе единственъ, чѣмъ въ образѣ Зосимы и Алеши, чѣмъ въ поученіяхъ «Дневника Писателя» («Міросозерцаніе Достоевскаго» стр. 212).

Однако самъ Достоевскій безусловно придавалъ огромно значеніе и своимъ положительнымъ мыслямъ и если Поученія старца Зосимы по сравненію съ подлинными аскетическими твореніями производятъ впечатлѣніе литературной имитации, то причина этому, конечно, не въ гениальности Достоевскаго, «исправлявшаго» Православіе (какъ думаетъ большинство изслѣдователей), а въ томъ, что Достоевскій нашелъ безцѣнную жемчужину Церкви, но не успѣлъ изучить ее съ полнотою, достаточной для художественнаго изображенія Ея сущности. Поэтому для того, чтобы адекватно понять и оцѣнить Достоевскаго въ области его религіознаго ученія — мало знать его творенія, мало понимать ихъ проблематику; необходимо знать то, къ чему Достоевскій стремился, чего онъ искалъ, къ чему онъ шелъ, и что прозрѣлъ, правда, еще въ туманныхъ и неопредѣленныхъ образахъ, на закатѣ своего творчества.

Можно въ этомъ смыслѣ сказать, что для того, чтобы понять и оцѣнить религіозный міръ Достоевскаго, надо быть имъ самимъ въ большей степени, чѣмъ онъ былъ собою самъ или — говоря проще — надо посмотрѣть на изображенные имъ образы святости — взглядомъ самихъ святыхъ, то есть съ точки зрѣнія аскетической литературы и церковной традиции. Но за эту работу до сихъ поръ еще никто не брался и положительная сторона ученія Достоевскаго оставалась неосвященной и неизученной.

В настоящее время этотъ недостатокъ блестяще восполненъ замѣчательной книгой о. іеромонаха профессора Іустина Поповича, книгой небольшой, но читающейся съ захватывающимъ интересомъ, ибо она является не только глубокимъ анализомъ религіознаго творчества Достоевскаго, но и прекраснымъ «Введеніемъ въ православное міросозерцаніе». Написанная съ огромнымъ подъемомъ, переходящимъ въ подлинный пафосъ, глубоко актуальная по своей проблематикѣ и современная по своимъ задачамъ, книга о. Поповича отличается кромѣ того большой широтой размаха. Зная цѣль пути и изучая Достоевскаго на фонѣ того міровоззрѣнія, къ которому онъ шелъ — сравнивая его мысль

съ ученіемъ Св. Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина и другихъ аскетическихъ писателей, — о. Поповичъ не забываетъ и не отбрасываетъ пройденнаго философскаго пути, но рассматриваетъ его съ точки зрѣнія не искомаго идеала, а найденной истины. Поэтому и философствованіе Достоевскаго получаетъ православно аскетическую оцѣнку и объясненіе и перестаетъ быть «иной главой» его творчества, совершенно независимой и ни чѣмъ не связанной съ тѣмъ, что онъ такъ страстно и найстойчиво проповѣдывалъ (точка зрѣнія Л. Шестова). Книгу о. Поповича можно назвать апологіей; апологіей Православія и Его проповѣдника — Достоевскаго; ибо авторъ недовольствуется, простымъ отождествленіемъ идеологии Достоевскаго съ Православнымъ ученіемъ, но детально показываетъ и доказываетъ, почему и въ чемъ Достоевскій является правовѣстникомъ Церковной Истины. И это даетъ о. Поповичу поводъ говорить а самой истинѣ, рассматриваемой не только въ себѣ (какъ это дѣлается въ богословской литературѣ), но и въ отношеніи всѣхъ иныхъ ложныхъ ученій, преодолѣнныхъ и разоблаченныхъ въ творествѣ Достоевскаго. Богословскій подходъ отнюдь не упраздняетъ и не отрицаетъ возможности подхода философскаго; но эти оба метода естественно противопоставляются одинъ другому, и на книгѣ о. Поповича это обнаруживается съ чрезвычайной ясностью. Исходя изъ постулата ищущаго и преодолевающаго преграды человѣческаго разума, философъ первымъ долгомъ ищетъ единства, внутренней связи и закономерной послѣдовательности. Поэтому и мышленіе Достоевскаго представляется ему какъ система (пусть не отточенная и не выработанная и пребывающая въ расправленномъ и динамическомъ состояніи) — въ которой каждый предшествующій моментъ постулируетъ послѣдующій, и исходная точка въ какомъ то смыслѣ уже заключаетъ въ себѣ конечную цѣль. Наоборотъ, богословъ видитъ всѣ моменты системы въ ихъ отношеніи къ абсолютной истинѣ, которая производитъ въ нихъ глубокое различеніе, относя одни изъ нихъ къ категоріи своихъ воплощеній, другіе — къ противоположнымъ образамъ своего отрицанія, т. е. къ образамъ зблужденія и лжи.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и все творчество Достоевскаго представляется о. Поповичу не какъ единая система, но какъ двѣ по существу не связанные другъ съ другомъ филиации идей: нисходящая

до предѣла заблужденія, нелѣпости и грѣха и восходящая — къ образамъ абсолютной святости. Всѣ образѣ Достоевскаго дѣлятся имъ на «героевъ» и «антигероевъ», на тѣхъ, ко родственъ по духу старцу Зосимѣ и на тѣхъ, кто воплощаетъ въ себѣ начало зла, драпирующееся въ свѣтлыя и романтическія одежды. Соответственно этому и все творчество Достоевскаго можетъ быть разбито на двѣ части: на лживую и обманную дьяволодицею и на подлинную-теодицею, или православное міросозерцаніе. Путь первой «отъ человѣко-мыши къ человѣку-богу». Изолированный отъ жизни человѣкъ (объектъ чистой антропологии) отдающій всѣ свои силы упражненію мышленія, видитъ, что чистая мысль необходимо разрушаетъ себя самое, ибо всякая воля, всякая жизнь представляются ему неразумной, ирраціональной, слѣпой — и въ своемъ стремленіи «усиленно сознать» ему остается только сидѣть сложа руки и грызть самого себя. Это адъ отчаянія, спастись отъ котораго можно только пріятіемъ любой реальности, утверждая себя какъ жизнь, какъ личность — какую бы то ни было и во что бы то ни стало. Но принимая жизнь для себя (какъ принципъ существованія), «усиленно созная мышь» не можетъ пріять ее въ другомъ (какъ принципъ добра) и выйдя изъ плѣна самоубійства подпадетъ соблазну убійства. Отсюда неприятіе міра, отрицаніе его смысла, строя и красоты. И какъ высшая точка этого отрицанія — неприятіе образа Христа, который и есть воплощенный смыслъ міра — красота и мѣра. Такимъ образомъ мысль Достоевскаго движется отъ Подполья черезъ Раскольникову-Свидригайлова, Ипполита, Кириллова, Ивана — къ Великому Инквизитору — явно тягачемуся со Христомъ и отрицающему Его Евангеліе. Но отсюда слѣдуетъ выводъ: если личность не хочетъ самоуничтоженія и вмѣстѣ съ тѣмъ не пріемлетъ жизни — она необходимо должна поставить себя надъ жизнью, найти высшій смыслъ въ себѣ самой — самообоготвориться. Это и происходитъ въ послѣдовательныхъ шагахъ: отрицаніи нормы (все дозволено Раскольникову — Ивану), преодоленіи закона природы (Богоубійство черезъ самоубійство — Кириллу) и достиженіи состоянія полной безразличія (Ставрогинъ) или (что то же —) отчаянія. Путь этотъ пройденъ человѣкомъ не самостоятельно. Во главѣ «Тайна атеистической философіи и анархической этики» о. Поповичъ показываетъ, что Достоевскій счи-

талъ виновникомъ этого кошмара реальную силу злую — дьявола, главной задачей котораго является убѣдить человѣка въ своей иллюзорности (ибо тогда вся эта темная мистика и человѣкобогъ представляется себѣ самому какъ человѣко-дьяволъ). Такимъ образомъ въ результатѣ послѣдовательно продуманной дьяволодицей выясняется, что антропоцентризмъ приводитъ къ антропологии, гуманизмъ — къ сатанизму; что атеизмъ и анархизмъ суть проявленія въ человѣкѣ начала дьявольскаго, которое пользуется эвклидовскимъ умомъ, какъ своимъ междумомъ, отрицаетъ вѣчно живой Логосъ міра мертвыми закономѣрностями сатанинской логики, рационализируетъ грѣхъ и замыкаетъ человѣческую личность въ заколдованномъ порочномъ кругѣ, который тотъ горделиво называетъ автономіей своего сознанія.

Сущность всего этого пути можетъ быть выражена въ пяти догматахъ атеизма или вѣрнѣе сатанизма. Таковыми являются: неприятіе Божьяго міра, неприятіе Божьяго Слова — Христа, неприятіе нравственнаго закона, самобоготвореніе человѣка и иллюзорность дьявола. Этимъ кончается дьяволодицея; она приводитъ человѣка въ абсолютный тупикъ вѣчныхъ мученій — въ адъ. И величайшей заслугой Достоевскаго является то, что онъ разоблачилъ дьявола, показалъ какъ онъ обманываетъ человѣка и изъ начала трансцендентнаго превращается въ имманентное — убѣждая людей, что они чужды первичнаго добра, что принципомъ зла являются они сами и что, слѣдовательно, имъ нѣтъ и не можетъ быть спасенія.

Переходъ отъ философіи отчаянія, отъ дьяволодицей къ системѣ положительнаго религіознаго міровоззрѣнія навѣялъ въ его осуществленіи у о. Поповича построениями о. Павла Флоренскаго въ «Столпѣ и утверженіи Истины». (на это указываетъ какъ ходъ мысли автора, такъ и соот. цитация). Дойдя до послѣднихъ предѣловъ отчаянія, до полного беззаконія и безсмыслицы, душа, требующая отъ жизни смысла и красоты, жаждетъ, ищетъ, болѣе того — постулируетъ такое Существо, которое было бы понятнымъ и близкимъ человѣку и одновременно воплощало бы въ себѣ вѣчное и непреложное начало. Она находитъ его въ образѣ Христа, который въ качествѣ Богочеловѣка является критеріемъ, образцомъ, оправданіемъ и освященіемъ человѣка и его жизни. Поэтому Христосъ является «единственной радостью человечества» (названіе I главы),

единственнымъ возможнымъ принципомъ жизни, абсолютнымъ образцомъ для подражанія. Эти мысли развиты авторомъ въ центральной главѣ его труда, озаглавленной многозначительными словами «Надъ тайной пшеничнаго зерна».

Смыслъ жизни можетъ быть осуществленъ только въ воплощеніи человѣкомъ лика Христова; внѣ етого — все — бессмыслица и тлѣнъ. Но этотъ положительный путь не является только заданіемъ; онъ имѣетъ свое историческое осуществленіе, свою традицію въ опытѣ вѣковъ; его носители суть святые; его методъ есть система аскетики. Быть христіаниномъ, быть православнымъ значитъ правильно осуществлять въ себѣ ликъ Богочеловѣка Христа, слѣдовать примѣру святыхъ: для этого человѣческой эгоцентризмъ долженъ замѣниться христоцентризмомъ и здѣсь имѣетъ мѣсто Евангельскій текстъ, взятый эпитафией къ «Братьямъ Карамзевымъ». Все грѣховное, самоутверждающееся, эгоистическое въ человѣкѣ должно умереть — для того, чтобы человѣкъ могъ родиться къ новой жизни во Христѣ, «если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» (Іо. 12.24).

Въ этомъ православномъ подвигѣ вѣры — смиренія — любви долженъ умереть весь человѣкъ, чтобы воскресъ въ немъ Христосъ. Сообразно этому аскетика имѣетъ двѣ стороны: одну — отрицательную, направленную на отсѣченіе грѣха, это подвигъ, жертва, смиреніе себя; другую — положительную, которая есть откровеніе Бога въ человѣкѣ, и обнаруживается въ любви къ Богу и человѣку. Любовь къ Богу есть пассивное предоставленіе себя дѣйствію Божественной благодати, любовь къ человѣку есть активное претвореніе этой воспринятой Божественной энергіи въ своей жизни — теозисъ, уподобленіе человѣка Богу.

Любовь къ человѣку невозможна безъ любви къ Богу, такъ же какъ эта послѣдняя необходимо выражается въ первой. Но онтологическая первая заповѣдь останется первой, вторая — второй. Этимъ въ корнѣ отрицается всякая спонтанная, гуманистическая, внѣрелигіозная любовь къ «свѣтская» этика. Подлинная Любовь возможна только черезъ Христа; въ Ветхомъ Завѣтѣ она была только касательной въ человѣческой жизни; но І. Хр. своимъ воплощеніемъ и вочеловѣченіемъ явилъ ее какъ центръ, какъ сущность человѣка, далъ ему возможность не только стремиться

къ безконечно удаленному Богу, но создавать себя, какъ Бога, по благодати, быть самому носителемъ, сосудомъ, храмомъ Святаго Духа.

Въ послѣднихъ главахъ своей книги о. Поповичъ противопоставляетъ этотъ идеалъ интегрального «христолликаго» человѣка атомизированной и расщепленной душѣ современной культуры — и это противоположеніе является для него ключемъ къ «Тайнѣ Россіи и Европы». Здѣсь важна общая установка. Единственной цѣнностью является ликъ Богочеловѣка Христа. Поэтому и Россія святилась, поскольку она воплощала въ себѣ этотъ православный идеалъ; и въ этой ея святости — отличіе отъ Запада, который извратилъ подлинный ликъ Богочеловѣка въ католицизмъ, а затѣмъ началъ мало по малу отпадать отъ Него совсѣмъ; но и Европа можетъ умереть въ своемъ человѣчествѣ, чтобы воскреснуть какъ сила Богочеловѣческой любви.

Книга о. Поповича является не только замѣчательнымъ теоретическимъ изслѣдованіемъ. Проникнутая сильнымъ чувствомъ и высокимъ пафосомъ, она есть пламенная проповѣдь Православія, призывъ къ Церкви, къ вѣрѣ, къ подвигу; конкретной церковностью запечатлѣна каждая ея страница: и символомъ этого является посвященіе книги — самому свѣтлому образу нашихъ дней — неустрашимому исповѣднику Православія — Св. Патриарху Тихону.

Отдавая труду о. Поповича должную дань восхищенія, намъ хотѣлось бы одновременно указать на одну большую лакуну, которая систематически встрѣчается въ его построеніи, какъ въ философской, такъ и богословской его частяхъ. Систему о. Поповича можно назвать радикальнымъ дуалистическимъ трансцендентизмомъ. Богъ и дьяволъ предстоятъ ему въ такой силѣ святости и ужаса, что природа, тварь, человѣкъ остаются совершенно подавленными, незамѣтными, ничтожными. Теология и демонологія дѣлаютъ ненужными антропологию и биологию. Въ его построеніи совершенно отсутствуетъ та стихія святого язычества, которой жилъ напр., В. В. Розановъ, которая вдохновляла Гете (спускъ къ Матерямъ). И если проблема святости плоти является по существу своему весьма спорной, то говоря о Достоевскомъ ее миновать нельзя: ибо она занимаетъ въ его творествѣ очень значительное мѣсто. «Богородица что есть мнишь. — Богородица — мать сыра земля

— и великая въ томъ для человѣковъ заключается радость» — этотъ мотивъ, едва ли не самый гениальный изъ всѣхъ прозрѣній Достоевскаго, совершенно отсутствуетъ у о. Поповича. А между тѣмъ въ литературѣ онъ не остался незамѣченнымъ. Достаточно указать на такую книгу какъ «Философія хозяйства» — о. Сергія Булгакова, которая вся выросла изъ этихъ словъ Достоевскаго (частично это относится къ его же «Свѣту Невечернему»).

Этотъ дефектъ чувствуется и въ чисто богословскомъ построеніи о. Поповича. Въ его книгѣ (кот. по своему характеру можетъ быть названа «Введеніемъ въ православное міровоззрѣніе») нѣтъ ни одного упоминанія о Богородицѣ. И это совершенно понятно, потому что, имѣя своей единственной и исключительной точкой опоры Богочеловѣка-Христа-Бога, о. Поповичъ забываетъ о твари, о ея святости, о ея предѣлѣ — который и явленъ людямъ въ образѣ Богородицы природы — въ лицѣ Приснодѣвы Маріи. Говоря языкомъ философіи, въ его системѣ совершенно отсутствуетъ ученіе о природѣ, натурфилософія: для богослова же въ его системѣ

нѣтъ мѣста для Маріологии. И если этотъ недостатокъ является чрезвычайно ощутительнымъ самъ по себѣ, по отношенію къ творчеству Достоевскаго онъ можетъ быть охарактеризованъ какъ частично-неадекватное воспріятіе его мысли, ибо природа, земля, тварь — и какъ высшее достиженіе ея — Богородица—имѣли, какъ въ мысли, такъ и въ жизни Достоевскаго первостепенное значеніе... Нашъ упрекъ автору является слишкомъ значительнымъ и важнымъ, чтобы претендовать на «поправку» къ его превосходной книгѣ. Мы скорѣе хотимъ поставить вопросъ, заострить проблему и намѣтить необходимость освѣщенія другой стороны творчества Достоевскаго, до сихъ поръ не разсматривавшейся подъ богословскимъ угломъ зрѣнія. Но заканчивая эту замѣтку, мы не можемъ не высказать того чувства благодарности, которое долженъ испытать каждый православный, каждый церковный, каждый русскій человѣкъ при чтеніи труда о. Поповича. Его обязательно нужно перевести на русскій языкъ.

Л. Зандеръ.